

«Свет и тени» среднеуральской индустрии середины 1930-х гг.

Из номера «Уральского рабочего» за 20 января 1934 года читатели узнали новость, что уже минуло три дня с того момента, как перестала существовать огромная Уральская область, и теперь они проживают в других, гораздо меньших по площади административно-территориальных образованиях. На первой полосе газеты было опубликовано постановление президиума ВЦИК от 17 января, согласно которому Уральская область была разделена на три региона: Свердловскую область с центром в Свердловске, Челябинскую с центром в Челябинске и Обско-Иртышскую с центром в Тюмени. И только главным областным начальникам было известно, что ВЦИК, в ведении которого согласно принятой в 1925 году Конституции РСФСР находилось «общее административное разделение территории Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и утверждение краевых и областных объединений»¹, лишь «проштамповал» решение о разделении Уральской области для того, чтобы придать ему легитимность и возможность обнародования для широких народных масс. Советские политические реалии были таковы, что без санкции верховной власти подобные масштабные административно-территориальные преобразования не проводились. За решением, по сути, декоративного органа – Всероссийского центрального исполнительного комитета, скрывалось постановление высшего органа власти в СССР – Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 января 1934 года «О разделении Уральской области»², которое и явилось точкой отсчета в истории Свердловской области.

С вступлением Урала в эпоху индустриализации на его территории начали возводиться сотни промышленных предприятий, среди которых были металлургические и машиностроительные гиганты, составлявшие гордость советской индустрии, создавались новые отрасли промышленности, коренной реконструкции подвергались старые заводы. Первый секретарь обкома ВКП(б) Иван Дмитриевич Кабаков много ездил по новостройкам, произносил речи. Те, кому доводилось слышать выступления областного секретаря, удивлялись, как он мастерски оперировал многочисленными фактами, у слушателей создавалось впечатление, что оратор великолепно знаком с районами и даже первичными парторганизациями, нюансами

---

¹ Постановление XII Всероссийского съезда рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов об утверждении текста Конституции (основного закона) РСФСР // Известия. 1925. 26 мая.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 937. Л. 41.

промышленного и аграрного производства. На самом деле эти факты заранее тщательно подбирались армией инструкторов партийных комитетов всех уровней, которые занимались этим в ущерб исполнению своих прямых обязанностей¹. Вникать в детали производственных и строительных технологий самому Кабакову, получившему лишь церковно-приходское образование и не имевшему ни малейшего опыта административно-хозяйственной работы, даже при всем желании было весьма непросто. Проще было громко заявлять о достигнутых успехах с высокой трибуны XVII съезда ВКП(б): «С тех пор, как на XVI партсъезде товарищ Сталин со всей силой выдвинул вопрос о размещении производительных сил страны, о создании на Востоке второй угольно-металлургической базы, прошел очень короткий срок – всего три с половиной года. <...> За эти годы создалась целая вереница промышленных узлов. Взять хотя бы даже такой район, как Пермский. Старый город был исключительно административным центром. В настоящее время здесь построена целая вереница переходных предприятий, с 90 тысяч жителей город вырос до 200 тысяч жителей. Тагильский промышленный узел, Свердловский, Калатинский, Челябинский, Магнитогорский. Можно было бы перечислять промышленные узлы и заводы, построенные за эти годы на Урале, на протяжении 20 минут. Но я этого делать не буду, а только скажу, что за эти годы на Урале построено и пущено 200 предприятий, созданы заново 23 отрасли промышленности»².

В качестве примера Кабаков не без гордости перечислял названия построенных за эти годы заводов и комбинатов – Березниковский химический комбинат, Челябинский тракторный завод, Магнитогорский металлургический комбинат, Уральский завод тяжелого машиностроения – не преминув при этом напомнить присутствующим о заслугах уральской парторганизации³.

А как обстояли дела в реальности? Неимоверными усилиями построенные и пущенные в эксплуатацию предприятия длительное время никак не могли преодолеть «детские болезни» становления. Серьезные проблемы преследовали и старые заводы, включая те, что подверглись реконструкции. Неизменными спутниками уральских предприятий стали высокий процент брака в выпускаемой продукции, выход из строя дорогостоящего оборудования. Эпидемические масштабы обрели аварии и пожары, нередко сопровождавшиеся человеческими жертвами⁴. На многих заводах

царствовал традиционный русский бардак. «Если электроды есть – ниппеля не подходят, ниппеля находятся – электроды не те пришли, все какая-то путаница», – разорялся на городской партконференции сталевар Верх-Исетского завода М.С. Ушаков, говоря о заводских электротечах. И никто ничего не предпринимал, «...думают, что все это поправится само собой», – заключил сталевар⁵.

Брак по цеху колес Гриффина на вагоностроительном заводе в Нижнем Тагиле, например, по итогам работы за вторую половину 1934 года составил 99,4 % всей продукции (100 штук колес были признаны годными из 17 тыс. отлитых). По итогам следующего года процент принятых в эксплуатацию колес составил около 30, но... проработавший лишь год с небольшим после пуска цех пришлось закрывать на капитальный ремонт из-за того, что был принят в эксплуатацию с рядом недоделок, а действовавшее в нем оборудование эксплуатировалось варварским образом⁶. Вся партия изготовленных в 1935 году на 172-м заводе в Мотовилихе фугасных снарядов была признана заказчиком, ленинградским заводом «Краснознаменец», браком. После долгих препирательств между изготовителем и заказчиком (в ходе которых, кстати, выяснилось, что бетонная плита на испытательном полигоне также оказалась некачественной, да и само орудие, из которого производились выстрелы по плите, попало под подозрение) оплатить расходы 172-му заводу взялся отдел вооружения Управления морских сил РККА. Военное ведомство свое решение аргументировало тем, что у мотовилихинского завода и без того тяжелое экономическое положение, а затем задумалось над новой проблемой: куда же девать эту груду брака?⁷

Партийные начальники лишь констатировали происходящее, и при этом делали вид, что ничего страшного не происходит, все легко поправимо. На областной партконференции в 1934 года И.Д. Кабаков не чешет нужным уделять этой проблеме слишком много внимания, и в своем докладе в качестве примера по браку в основной продукции привел только два завода – Челябинский тракторный завод и Уралмаш: «По ЧТЗ. Из-за брака по сталелитью только на июнь месяц получено убытка на 115 тысяч, в июле – на 180 тысяч [рублей]. Уралмаш для агломерационной машины отлил 1600 штук колосников, [которые] имеют брак, и продолжают [отливать?] до настоящего времени. Из двух тысяч болтов для тьюбинга годных набра-

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 104. Л. 178.

² XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 246-247.

³ Там же. С. 246.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 1. Л. 90-90об; 92-94, 104-105; Оп. 15. Д. 3. Л. 37, 109, 143-144; Д. 4. Л. 26; Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 223-224, 232-234, 265.

⁵ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 36.

⁶ Устьяшев С.В. Очерки истории отечественной индустриальной культуры XX века. Ч. 1. Уральский вагоностроительный завод. Нижний Тагил, 2009. С. 180-187.

⁷ Титов К.В., Шубин А.С. Экономика, элита и террор (репрессии 1936–1937 гг. как борьба за эффективность экономики) // Пермская элита: становление, развитие, современное состояние. Пермь, 2003. С. 154-157.

лось только сто штук. Почему это происходит? Это происходит потому, что на предприятиях до настоящего времени организацией труда не занимаются как мастера, заведывающие цехами, так и директора заводов. Организация труда не превратилась в одну из первейших функций административно-технического руководства. О чем угодно разговаривает административно-технический персонал, но совершенно не разговаривает и совершенно не знает организации труда на производстве. Это вопрос решающий. Если мы хотим добиться успехов, то вопросы организации труда должны занять центральное место¹.

Полмки дорогостоящего оборудования ввиду безграмотной эксплуатации, его гибель в результате пожаров на заводах тоже не вызывали чрезмерного беспокойства. «Я приведу **один маленький факт** [выделено нами – авт.], о котором мне сегодня докладывал секретарь Надеждинского горкома, что на Надеждинском заводе сгорел кирпичный цех – цех шамотного кирпича, – делился информацией с делегатами конференции первый секретарь обкома ВКП(б). – Только перед этим зарядили, была дана телеграмма относительно проверки всех звеньев, всех участков, которые вызывают то или другое опасение, и вот после предупреждения как раз сгорел цех. Второй факт. Строили Машинострой [имеется в виду Уралмашзавод – авт.], достался он нам, я бы сказал, недешево, много труда затрачено на этот завод. В одно прекрасное время, во время перерыва весь актив ушел из цеха, прекратили подачу воды на завод. И что произошло? Аллах его ведает! Но пока командный состав и актив сидели и болтали, в это время загорелся цех. Пока люди собирались, [пламя] охватило все стены и всю крышу. О победах и достижениях разговоров много: делают пушки Бронзура, лебедки Оттиса, завод имеет колоссальные успехи по освоению нового машиностроения. Но вот не сумели поставить хорошо пожарную охрану, и в результате вышел из строя, вышел целый завод»².

«Мы ломаем машины, идет процесс разрушения и не проходит дня, когда бы не выволился из строя тот или другой дорогостоящий импортный агрегат, который мы не можем не только здесь заменить, но для которого не наладили производство запасных частей, – не с горьким сожалением, а с лихой бравадой вешал на той конференции первый секретарь Магнитогорского горкома ВКП(б) В.В. Ломинадзе, имея в виду металлургический комбинат. – Но если идти дальше по этому пути, то можно впасть в ошибку, какую допустил товарищ Владимирова, который из-за деревьев не увидел леса. Говоря об Уралмашзаводе, он подчеркнул только теневые сто-

роны, и создалась мрачная картина, что ничего не доделано, не освоено, не достроено, кадров нет, и получился набор ужасающих фактов. Конечно, нашего товарищ Владимирова не запугал, но надо знать меру света и тени».

Виссарион Виссарионович Ломинадзе с трибуны областной партконференции распекал директора Уралмашзавода Л.С. Владимирова за то, что тот посвятил выступление исключительно негативным делам, творившимся на заводе и в заводском поселке. Магнитогорский секретарь призывал видеть не только недостатки, но и достижения, – построенные замечательные заводы, которыми гордится вся страна. «Я не знаю хорошо положение на Уралмашзаводе, но убежден, что пролетарии, работающие там так же как в Магнитогорске, несмотря на всякие тяжелые неудачи первых дней, идут вперед, и дело освоения строительства идет гигантскими шагами вперед, и положительные итоги строительства по социалистической индустрии у нас во много раз перевешивают все неудачи и недочеты, и здесь сомнения не может быть никакого, здесь чаша весов не держится на одном уровне», – со знанием дела заявляя профессиональный революционер и пропагандист, выпускник годичных курсов марксизма при Московской коммунистической академии. Спустя год В.В. Ломинадзе, призывавший не устраивать трагедию из-за выхода из строя дорогостоящего оборудования, истинной трагедией сочел угрозу своего возраста и, недолго раздумывая, выстрелил себе в сердце¹.

Так в чем же заключалась провинность Владимирова? Леонид Семенович Владимирова (он же – Островский Иосиф Самойлович) только-только, в декабре 1933 года, приступил к исполнению обязанностей директора Уралмашзавода, после того как застрелился предыдущий директор Иосиф Самойлович Беленский. Приехал он из Харькова, где три года возглавлял паровозостроительный завод². А потому не ведал о нравах, царивших в областном руководстве, и счел областную партконференцию подходящим местом для делового обсуждения производственных проблем.

И это тогда когда собравшиеся на партийный форум массу времени убили на принятие многословных приветственных телеграмм «всегда коммунистической партии, международного пролетариата, любимому учителю товарищу Сталину», отдельно ЦК ВКП(б), «лучшему соратнику товарища Сталина – Лазарю Моисеевичу Кагановичу», «лучшему соратни-

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 3. Л. 61-62; Д. 1. Л. 130б.

² Там же. Д. 3. Л. 56-57.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 5. Л. 46; Галигузов И.Ф., Калинин Е.А., Каюкин Л.Д. Ломинадзе Виссарион Виссарионович // Челябинская область: энциклопедия. Челябинск, 2008. Т. 3. С. 781-782; Ломинадзе С. Страницы детства // Дружба народов. 1999. № 8. С. 159-165.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 63. Д. 455. Л. 2, 10, 150б; Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 198.

ку, руководителю органов диктатуры пролетариата товарищу Молотову», «вождю Рабочей крестьянской Красной армии товарищу Ворошилову», исполкому Коминтерна, газете «Правда» и участникам Московской областной партконференции. А вслед за докладчиком к трибуне с приветствиями один за другим потянулись многочисленные «представители» рабочих и инженеров, военных, чекистов, колхозников, научных работников, пионеров, которые, заливаясь соловьем, рассказывали, как они выполняли задачи, поставленные «любимейшим товарищем Кабаковым». Прорывавшиеся между ними к трибуне местные партийные секретари, в порядке прений по отчетному докладу, принялись соревноваться между собой в самых изысканных эпитетах в адрес областного вождя, часто ни словом не упоминая о проблемах подвластных им городов и районов. И все это с овациями, бесконечными вставаниями, громом военного оркестра, барабанным боем и звуками пионерских горнов и струнного оркестра¹.

Среди приветствий прозвучало выступление так называемого представителя рабочих и инженеров Уралмашзавода Лабутнкова. «Выполняя указания вождя партии и мирового пролетариата товарища Сталина о создании сердцевины машиностроения второй угольно-металлургической базы на Востоке, в непримиримой борьбе за генеральную линию ленинского ЦК, пролетарии и инженерно-технические работники Уралмашзавода под повседневным руководством обкома и главного инженера, нашего строителя социалистического Урала Ивана Дмитриевича Кабакова, мы построили и пустили в эксплуатацию Уралмашзавод, – под аплодисменты зала торжественно провозгласил Лабутнков. – Наш завод поистине является борцом техники, построенный под руководством и [при] неограниченной практической помощи товарища Кабакова. Нами уже освоено доменное оборудование, машины, прокат, пушки Брозуса и другое. Эти машины ранее ввозились из-за границы. Выполняя указания вождя нашей партии товарища Сталина, боремся за овладение техники. Вчерашние колхозники и колхозницы успешно осваивают сложные станки и импортное оборудование и агрегаты»².

И вот в эту торжественно-праздничную идиллию бесцеремонно вторгся директор машиностроительного гиганта Л.С. Владимиров. Начал он свое выступление на партконференции с правильных, полностью соответствующих месту и времени слов, что Уралмашзавод «... построен силами уральской партганизации, и построен благодаря исключительному вниманию, которое было уделено Уральским областным комитетом партии и, по

заверению всех старожилов Уральского машиностроительного завода, благодаря лучшему руководству работой со стороны товарища Кабакова».

Но вот далее Леонид Семенович стал говорить о том, что освоение Уралмашзавода приняло «затяжной характер», и стал перечислять тому причины. Главные среди них – отсутствие разработанного технологического процесса и четкой организации работы завода, острая нехватка приспособлений и инструмента, отсутствие квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров. Владимиров был прямолинеен: «Некоторые товарищи говорят, что завод освоил несколько десятков машин. Я должен, товарищи, сказать категорически, что это неверно. Ни одной машины завод не освоил и поныне, несмотря на то, что имеются машины разной стадии готовности, которые считаются якобы освоенными». Во главу угла директор поставил нерешенность кадровой проблемы, что «приезжие кадры» на заводе не задерживаются и разбегаются, привел впечатляющие цифры, что только в течение 1933 года с Уралмаша уволились около двух тысяч инженерно-технических работников. Четко обозначил и причину бегства кадров: «...мы недостаточно уделяли внимание бытовым вопросам и вопросам культуры в широком смысле этого слова». Опираясь яркими примерами, Леонид Семенович поведал о грязи на заводе и в городке, гостиничных номерах с тараканами, дефиците товаров первой необходимости. Претензии инженеров к заводской администрации были разнообразны: один инженер жаловался, что не имеет мыла, чтобы помыть руки, другой – что его десятилетняя дочь, вернувшись из школы, стала изъясняться матом. И, пожалуй, все – на разгул бандитизма, примером чему служили многочисленные жертвы хулиганских нападений. С трибуны конференции, где только что возвещали об успехах социалистического строительства на Урале, теперь звучали страшные криминальные сводки: только за ноябрь-декабрь 1933 года на Уралмаше были зафиксированы 78 случаев бандитских выходов, в результате которых пострадавшие вынуждены были обратиться за медицинской помощью, в 13 случаях потребовалось хирургическое вмешательство. «Не так давно, несколько дней тому назад изрезали председателя райпрофсовета, не так давно убили повара, – говорил Владимиров, каждым своим словом нанося сокрушительный удар по царившему на конференции праздничному настроению. – Как вы думаете, наличие такого хулиганства отражается на вопросах закрепления кадров, на вопросах освоения завода? По моему мнению, отражается, и отражается катастрофически. Молва, слухи, разговоры выходят за пределы площадки Уралмашзавода, доходят до наших промышленных центров, и в Москве говорят, что без револьвера на площадку Уралмашзавода нельзя

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 3. Л. 14-20, 92-102, 160-183, 195-207.

² Там же. Л. 201-202.

появляться. <...> Хулиганы сейчас орудуют, и орудуют, по сути дела, без наказания. Очень многие инженеры и семьи их собираются по этой именно причине уезжать с Уралмашзавода».

Отсутствие слаженного, технически грамотного заводского коллектива, в свою очередь, становилось непреодолимым препятствием для освоения производства. «Игнорирование вопросов культуры означает, по сути дела, игнорирование вопросов освоения сложных и точных машин, – говорил директор Уралмаша. – Не знаю, многие ли были за последнее время на Уралмашзаводе, но не нужно быть особенно опытным человеком, чтобы убедиться по внешнему осмотру завода, что оборудование, чрезвычайно ценное, дорогое, импортное, уже сейчас находится в таком состоянии, которое в недалеком будущем может привести к значительным разрушениям»¹.

Под конец выступления Владимиров и вовсе бросил упрек в адрес городской парторганизации (правда, без персонализации) в том, что когда шло строительство, то они «почти не вылазили с Уралмашзавода», а потом, после его пуска, про него забыли: «Мне кажется, что товарищи решили, что задача решена, Уралмашзавод закончен, и нужно браться за другие задачи. И поэтому помощь Уралмашзаводу сейчас отсутствует. И напрасно! Помогать еще нужно, потому что Уралмашзавод на ноги еще не встал». Л.С. Владимиров попросил помощи в строительстве новых школ и укомплектовании действующих школ хорошими преподавателями, в строительстве бань, прачечных, улучшении снабжения уралмашевцев через торговую сеть, помощи в ликвидации хулиганства. И выразил надежду, что обком партии поставит эти вопросы перед Москвой².

Несмотря на столь хитроумный ход Л.С. Владимиров, – противопоставление Уральского обкома ВКП(б) и персонально И.Д. Кабакова, когда в начале выступления вел речь о достижениях, с безликой свердловской городской парторганизацией, когда в конце заговорил об исчезновении имевшего место в недавнем прошлом внимания к заводу, – тем не менее, было очевидно, в чей именно огород кинул камень директор Уралмаша. Кроме того, со слов Владимиров получалось, что, ладно Лабутников в приветственном слове, но сам Кабаков, по сути, дезинформировал делегатов конференции, когда в отчетном докладе заявил, что на Уралмаше «...делают пушки Брозюса, лебедки Оттиса, завод имеет колоссальные успехи по освоению нового машиностроения»³.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 4. Л. 8-14.

² Там же. Л. 15-16.

³ Там же. Д. 3. Л. 57.

Вместе с тем выглядело бы вполне логичным, если б Кабаков даже поощрил Владимиров за выступление. Ведь сам первый секретарь обкома буквально пару дней назад, открывая областной партийный форум, четко и недвусмысленно произнес: «Наша задача провести конференцию под знаком развернутой большевистской самокритики, вскрыть все недостатки и мобилизовать все силы партийной организации на завоевание дальнейших побед в строительстве УКК». А чуть позже, выступая с отчетным докладом, обрушился на директора свердловского завода имени Воеводина за очковитательство и некритичное отношение к результатам работы предприятия: «На днях проходила конференция в первом районе. Приходит завод имени Воеводина рапортовать о победах, «гром победы раздавайся!». Стали проверять. Оказалось, завод план не выполнил. Как это могло получиться, кто руководитель, команда производством, не видит хода производственного процесса? Вместо того чтобы огнем самокритики вскрыть отставания, показать где слабые места, вместо этого помогает составлять рапорт о несуществующих победах»¹.

С этой точки зрения выступление Владимирово вполне соответствовало установкам «уральского вождя», которые, в свою очередь, основывались на указаниях И.В. Сталина. А слова В.В. Ломинадзе можно было расценить не как заранее спланированную акцию, а как личную инициативу «битого» в недавнем прошлом партийного чиновника, изгнанного из состава ЦК ВКП(б) и с высокой должности первого секретаря Закавказского крайкома ВКП(б), и сейчас пытающегося выслужиться перед областным начальством.

Но не тут-то было! Кабаков, вновь поднявшись на трибуну с заключительным словом, решил воздать Владимирову «по заслугам»: «Иногда приходят люди и говорят: «Не работает завод». В том-то и секрет, что завод еще как нужно не работает. А надо заставить его работать. Как заставить?» И профессиональный пропагандист преподал директору Уралмашзавода урок, как ему следует работать: «Надо засучив рукава организовать дело и изо дня в день группу за группой, бригаду за бригадой поднимать, учить, повышать квалификацию, помогать организовывать производственный процесс, устанавливать дисциплину, которая должна быть присуща данному предприятию. Рассчитывать на то, что можно сразу где-то взять готовеньких, знающих рабочих, пересадить на УЗТМ и дело пойдет, неверно это. Никаких других людей у нас нет, кроме тех, которые работают в Уральской области. С этими людьми мы освоили Березники, завод ферроспла-

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 3. Л. 11, 58.

вов, с ними осваиваем Магнитку, Златоуст и другие предприятия. С ними же мы будем осваивать и те предприятия, которые пускаем сегодня».

Из стенограммы конференции видно, что ни гибель в пожарах оборудования, ни поломки дорогих машин не вызвали столь бурной реакции со стороны Кабакова, как «дерзость» уралмашевского директора. По ходу выступления «вождь уральских большевиков» все более распался, и, в конце концов, принялся делать угрожающие намеки в адрес Владимиров: «Пусть находятся люди, которые становятся в стороне в позе критиков и заявляют: этот народ плохой, у них дело идет плохо, все не годно. Таким критикам мы ответим: будьте в стороне, а мы, засучив рукава, будем вытягивать эти участки! Этим я хочу сказать, что парторганизация отвечает за все: и за хорошее, и за плохое. Тем людям, которые хотят разделить и которые заявляют: плохое вы возьмите, а хорошее – наше, мы ответим: не выйдет это дело!»¹.

Иначе говоря, на призыв Л.С. Владимиров к областным начальникам предпринять конкретные меры по закреплению специалистов на заводе путем улучшения их материально-бытового положения Кабаков ответил пустоорожной болтовней, свидетельствовавшей, что на заводе все остается как есть. Заодно гневной отповедью Кабаков четко дал понять Владимирову (да и остальные хозяйственники чтоб слышали), что если он впредь позволит себе предъявлять какие-либо требования к партийным структурам, критиковать их, то на этой должности не задержится. Возможно, так бы оно и случилось, причём в самое ближайшее время. Ведь главный областной начальник, кроме прочего, был взбешен требованиями Владимиров убраться кабаковского ставленника, первого секретаря Сталинского района ВКП(б) Максима Федоровича Коссова (завод тогда входил в этот район). Но за спиной у Владимиров стояли весьма высокие покровители, и Кабакову он оказался не по зубам. «Из Владимиров, ЦК партии считает, директор вышел», – заявил в 1937-м кабаковский преемник А.Я. Столяр².

В последующем отношения между Кабаковым и Владимировым нормализовались. Директор Уралмашзавода наладил «конструктивное» взаимодействие с Орджоникидзевским райкомом ВКП(б), первому секретарю райкома Л.Л. Авербаху оплачивал частые поездки в Москву, а Кабаков, в свою очередь, выводил Владимиров из-под критики со стороны парторганов³. Бюро Свердловского обкома в марте 1935 года обратилось к наркому

Г.К. Орджоникидзе с просьбой представить Владимиров и Авербах вместе с другими уралмашевскими начальниками и несколькими рядовыми рабочими к награждению государственными наградами. «За исключительно выдающуюся работу», – говорилось в решении бюро обкома. Подготовленная по этому случаю характеристика оценивала деятельность директора УЗТМ исключительно в лестных выражениях: «Тов. Владимиров воспитывает хозяйственный коллектив завода в духе поставленных партий и правительством задач, сумел организовать крепкий хозяйственный и инженерно-технический коллектив завода и обеспечил крупные успехи в освоении производства завода, проявив себя как инициативный и крупный организатор»¹. Владимиров решил не выделяться из когорты областных начальников. Не самые нуждающиеся работники Уралмашзавода – дирекция, начальники отделов и цехов, их замы и помы, пользовались бесплатными квартирами и коммунальными услугами. Начальство на себя государственных средств не жалело. Ремонт 18 квартир был произведен «с допущением излишеств»: жилье заводской аристократии было украшено лепниной и отделано карельской березой. Рабочих ремонтно-строительного цеха освободили от выполнения работ по заводу и бросили на изготовление трех десятков бильярдных столов. 10 бильярдов были установлены в квартирах особо избранных. Им же предоставлялись бесплатные билеты в театр, щедро раздавались так называемые пособия для лечения (некоторые получали таковые по 2-3 раза в год), было налажено обеспечение папиросами. Начальник управления капстроительства Казиницкий преподнес Владимирову стильную мебель, изготовленную на Украине, вытягивающую на крупную по тем временам сумму – 247 тыс. рублей (правда, Владимиров, от греха подальше, эту мебель распределил среди своего окружения). Все расходы списывались на нужды завода. Папиросы проводились как административно-хозяйственные расходы, отделка квартир производилась за счет капитального строительства².

А что же завод? На заводе тем временем шли массовые отравления рабочих генераторным газом. Наибольшее число пострадавших было в сталелитейном цехе, где «виновником» выступал неправильно установленный вентилятор. В 1935 году на заводе были зафиксированы 65 инцидентов, в 1936 году – уже 181, десятки рабочих ежегодно по этой причине становились инвалидами. В курсе проблем находились главный металлург завода, его заместитель, начальник цеха. Знал и директор. Дирекция назначила «стрелочниками» старшего мастера и сменного техника, и на том успокоилась³.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 5. Л. 150.

² Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 195; Ф. 4. Оп. 15. Д. 2. Л. 111.

³ Там же. Д. 105. Л. 91, 100.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 34. Л. 15-16; Д. 36. Л. 72.

² ГАООСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20736. Т. 1. Л. 115-116, 122.

³ Там же. Л. 116.

Уралмаш все так же не выполнял производственную программу. В продукции одного из крупнейших участков в мае 1937-го исправимый и неисправимый брак составил 92 %, ввиду чего на другом участке пришлось прекратить сборку машин, а рабочих перебросить на другие работы. Обращения заводчан в обком, к заведующему промышленно-транспортным отделом Г.Г. Яну результатов не возымели: брак продолжал неуклонно преследовать завод-гигант. Тем же страдали медэлектrolитный завод в соседней Верхней Пышме, где брак достигал 60 %, и Верх-Исетский завод в Свердловске¹. На ВИЗе, специализировавшемся на производстве динамной и трансформаторной стали, в течение нескольких лет прокатывали металл при более низкой температуре, чем положено, что весьма негативно сказывалось на качестве продукции, но чрезвычайно ускоряло производственный процесс и позволило многим рабочим выйти в передовики².

Что говорить о высокотехнологичных производствах, когда Свердловская фабрика «Одежда» в 1932 году вынуждена была ежедневно перешивать до 500 готовых вещей. От трети до половины выпущенных в 1933 году на Калатинском и Нижнетагильском заводах топоров и ухватов пошли в брак. Лишь 20 % из изготовленных в Нижнем Тагиле подков были признаны годными, а вот что касалось рукомольников, то тагильчане ни одного такого несложного бытового приспособления без брака выпустить в том году не сумели³.

Выход из строя оборудования, брак и аварии на пущенных в эксплуатацию предприятиях были не самым худшим сценарием развития уральской индустрии. Строительство многих других предприятий, включая такие крупные заводы, как Уральский завод химического машиностроения в Свердловске, Новотагильский металлургический в Нижнем Тагиле, медеплавильный в Ревде, алюминиевый в соседнем, тогда еще челябинском, Каменске-Уральском ввиду безграмотного руководства, распыления выделенных материально-финансовых ресурсов, расхлябанности и бесхозяйственности было заморожено. Экономика страны терпела колоссальные убытки.

Объективные сложности, испытываемые среднеуральской индустрией в связи с освоением принципиально нового, сложного, высокотехнологичного производства в условиях острого дефицита специалистов и материально-технических ресурсов, усугублялись неприглядной советской

действительностью начала и середины 1930-х гг. Типичной картиной того времени были некомпетентность и коррумпированность партийных и хозяйственных начальников, их хвастливые уверения в возможности легких побед в промышленности, увлеченность парадностью и шумихой, пренебрежение мнением специалистов, отсутствие производственной дисциплины и варварская эксплуатация оборудования. Большинство указанных проблем будут преодолены к концу 1930-х. Страх получить пулю в затылок или сгинуть в лагерях по обвинению во вредительстве или измене Родине заставит рабочих – вчерашних крестьян, обращаться с техникой бережно, словно с собственным домашним хозяйством, инженерно-технических работников – стремиться соблюдать технологическую и производственную дисциплину, а начальников всех уровней – озаботиться государственными интересами, забыть о личном и семейном благосостоянии и барских развлечениях, всерьез заняться улучшением материально-бытового положения рабочих и ИТР, и начать, наконец, строго следовать установкам верховной власти.

А.В. Сушков,
к. и. н., Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук,
А.С. Юланов,
главный архивист Центра документации общественных организаций
Свердловской области

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 105. Л. 265; Д. 104. Л. 190, 193.

² Гагарин А.А. Трудовой коллектив Верх-Исетского завода в 1900–1941 гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2009. С. 151–152, 180.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 1. Л. 33об.; Д. 3. Л. 61.